

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ (на материале Калмыкии)

Problems of Governance in the Collectivization Period and Their Impact on the Historiography (the Case Study of Kalmykia)

Бадмаева Е. Н. (*E. Badmaeva*)¹

¹заместитель директора Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук, доктор исторических наук (Ph. D. of History, Deputy Director at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS).
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

В статье рассматриваются организационно-управленческие решения советского государства и движение колхозного строительства в Калмыкии в 1920–1930 гг. и их отражение в историографии коллективизации.

Ключевые слова: органы управления, народное хозяйство, Калмыкия, экономика, коллективизация, историография

The article is aimed to analyze the organizational, legal and administrative decisions of the central authorities of the Soviet State and methods of their implementation on the territory of a certain region of the country as well as their impact on the historiography of the collectivization process during its years. The sources used for the analysis were based on the historiographical works published in the Soviet and post-Soviet periods written by the historians of the national republics, who discovered the regional and national specifics of socio-economic transformations in rural areas in 1928–1940.

As a result of the research the author gives her own interpretation of the collectivization process in the autonomous Republic of Kalmykia. During that period, agriculture and peasantry of Kalmykia were evolving in line with socio-economic and political processes taking place in the country and they were not ready to move to a collective farming due to the lack of both economic and socio-psychological prerequisites. The «Continuous collectivization» of the national autonomy was not conceived as a voluntary and mass influx of peasants into collective farms. It was imposed on the peasantry from above, and for its implementation the government took various administrative decisions, used different methods, mainly, tight administrative control of agriculture. Despite the efficiency of individual farm labor, farms were completely eradicated and their owners were expelled from their homes or sent to prison. The collective farms were seen as the only feasible way for the agricultural recovery and improvement of peasants' lives. Dispossession of kulaks, arm-twisting, administrative pressure became the most important constituent parts of the process of collectivization. Thus, the author concludes that the agrarian transformation of 1930s in the Kalmyk Autonomous Region was an act of forced collectivization and dekulakization. And the only alternative to the forced collectivization could be the intensification of market relations in agriculture by supporting small rural producers and providing them with greater autonomy, as well as introducing the elements of commodity-money relations, self-sufficiency etc. under the condition of a gradual, voluntary, industrial co-operation of the owners.

Keywords: the governing bodies, the national economy, the Kalmykia, economy, collectivization, historiography.

История советского общества и государства является предметом острых политических и научных дискуссий в современной российской и зарубежной историографии. Одним из наиболее дискутируемых периодов в отечественной истории является период нэпа и коллективизации. Все это делает

актуальным объективное изучение аграрных преобразований 1920–1930-х гг., повлиявших (и до сих пор оказывающих влияние) на весь ход развития страны. Важным аспектом исследования развития сельского хозяйства в указанный период является анализ организационно-правовых и управлен-

ческих решений центральной власти и методов, форм их реализации на территории отдельных регионов страны. Думается, что основательное исследование данной проблемы невозможно без глубокого изучения историографии вопроса в отечественной и зарубежной исторической науке, в том числе работ историков национальных республик и автономных образований, раскрывших региональную и национальную специфику социально-экономических преобразований на селе в 1928–1940 гг. В частности, материалом для данной работы послужила историография Калмыкии соответствующего периода.

В середине 1920-х гг. вопрос о стратегической линии развития сельского хозяйства страны стал предметом острых споров как в самом большевистском руководстве, так и в научно-аграрном сообществе. В ходе многочисленных дискуссий высказывались самые различные мнения, но в конце концов, под нажимом Сталина в СССР был взят партийно-государственный «курс на коллективизацию», стала претворяться в жизнь модель принудительного кооперирования. Власть поставила перед научными кругами и прессой задачу информационной и идеологической поддержки генеральной линии партии на проведение коллективизации, управленческих решений в сельском хозяйстве. На начальном этапе проведения коллективизации советская историография, представленная в основном работами партийных и советских работников, журналистов, специалистов аграрного сектора, как центрального [Ильин 1929; Анисимов 1937; Шуваев 1937; Лаптев 1939], так и регионального звена [Беликов 1968; Зюрюкин 1927; Пюрбеев 1928; Алексеев, Попов 1930; Джимбинов 1940], вслед за официальной идеологией заявляла о необходимости и своевременности коллективизации, ее значимости для крестьянства.

Историография тех лет, в том числе калмыцкая, не оспаривала правильность официальных методов осуществления коллективизации. Значительное место она уделяла вопросу классовой борьбы в деревне, необходимости изоляции зажиточного крестьянства и борьбы с ним как основному фактору для успешного формирования новой системы хозяйствования в деревне. Коллективизация, по глубокому убеждению авторов, несла избавление деревенского населения в новых условиях от «жесточайшей эксплуатации кулачества».

На страницах периодической печати Нижневолжского края, куда входила и Калмыцкая автономная область (с 1936 г. — Калмыцкая АССР), печатались статьи, где возникшие трудности в сельском хозяйстве объясняли в русле официальной идеологии антисоветской деятельностью «кулацких элементов», прямо требовали жестокой расправы с классовым врагом — кулаками [К чему приводит 1931: 179; Убрать кулацких агентов 1931: 429]. Отметим, что такая позиция была характерна для советской, в том числе калмыцкой историографии, и в 1960–1970-е гг., вплоть до конца 1980-х гг. [Оглаев 1967; Очерки истории Калмыцкой АССР 1970].

В историографии 1930-х гг. говорилось о поддержке большинством сельского населения аграрной политики большевиков. В статьях и работах того времени замалчивались факты неприятия и противодействия значительной части крестьянства методам проведения на селе аграрных реформ, непомерных хлебозаготовок. Между тем активные выступления народных масс против аграрной политики советского государства наблюдались во многих регионах страны. В частности, в Калмыкии сельские жители открыто выступали не только против чрезмерных хлебозаготовок, но и против колхозного строя, обрекших на полуголодное существование самих крестьян. Так, в одном из донесений ОГПУ, датированном 21 февраля 1932 г., говорилось: «На почве продзатруднений в Нем-Хагинском сельском совете отмечено массовое выступление женщин с требованием хлеба; массовое недовольство женщин, выражавшееся в тенденциях “Растащить имущество колхоза и скот, даже распустить колхоз” [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 226].

12 марта 1930 г. в Малодербетовском улусе произошло организованное выступление свыше 100 крестьян, которые направились в административный центр улуса для выражения своего протеста против аграрной политики партии и государства, насильственной коллективизации и раскулачивания. В подавлении народного бунта участвовали не только местные чекисты, но и сталинградские милиционеры, вызванные для усмирения калмыцких крестьян [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 137. Л. 57].

Только в январе-феврале 1930 г. в СССР произошло около 1500 массовых выступлений крестьян, в которых участвовало не ме-

нее 350 тыс человек, а в марте — более 6500 волнений (1,6 млн участников) [Ивницкий 1996: 225]. В этот период страна, по мнению известного ученого-аграрника Н. А. Ивницкого, фактически находилась на грани гражданской войны. Причина антиколхозных настроений крылась прежде всего в принудительном вступлении в колхоз, отсутствии экономического стимулирования, вызвавшим тяжелое материальное положение крестьян. Так, бывший красный партизан, единоличник, середняк из с. Яшалта Милаев Н. А. заявил: «Раньше работали на помещиков, а сейчас забирают в колхоз. Все равно, что раньше было, и теперь. Раньше хоть деньги давали, а теперь колхозники работают за палочки. Я работаю единолично и в колхоз никогда вступать не буду». Другой бывший красный партизан Кривко В., середняк-единоличник из того же села, также не видел перспективы развития колхозного строя: «Коллективные хозяйства все равно долго существовать не могут и долго колхоз не продержится. Сейчас уже заметно, что колхоз начинает разваливаться. У нас единоличные хозяйства живут лучше, чем колхозники» [НА РК. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 104. Л. 82.].

Антисоветских, антиколхозных выступлений крестьянского социума, безусловно, было бы больше, если бы не превентивная работа органов безопасности, еще до начала коллективизации выселивших под видом борьбы с кулачеством целые деревни. В Калмыкии мероприятия по выселению «кулацких элементов» проводились еще в предколхозный период на основе решения бюро Нижне-Волжского крайкома партии «О выработке мероприятий по взятию на учет крупных эксплуататорских хозяйств Калмообласти». В процессе раскулачивания установился жесткий контроль силовых органов над всеми сторонами жизни калмыцкого села, вследствие чего активных форм проявлений крестьянского протеста становилось все меньше.

Официальные средства информации нацеливались партийными органами на пропаганду коллективных форм хозяйствования. Уже в первой половине 1930-х гг., когда коллективизация в стране еще не была завершена, стали появляться работы, рассказывающие о достижениях колхозного строя [Десять лет Калмыцкой автономной области 1930]. Однако такое страшное социальное явление, как голод 1932–1933 гг.,

охвативший огромную часть населения европейской части СССР, в том числе Калмыкию, так и не нашел должного отражения в исторических работах и в периодической печати тех лет. Авторы преднамеренно, в угоду или под диктовку власти, не связывали сложившуюся тяжелую продовольственную ситуацию в стране с насильственной коллективизацией, уничтожением крепкого, самодостаточного крестьянства и жесткой политикой хлебозаготовок.

Во второй половине 1930-х гг., когда коллективизация была в основном завершена, газеты и журналы во многих регионах страны с упоением рассказывали о громадных успехах коллективизации, социально-культурных, экономических и политических последствиях [Альфиш 1939; Джимбинов 1940]. Одновременно говорилось о качественном и заметном улучшении жизненного уровня крестьян, что не соответствовало реальному состоянию дел.

Выходившие в 1920–1930-е гг. научные работы и статьи нельзя отнести к строго историческим изысканиям. Они отличались крайне скудной источниковой базой, чаще всего представленной материалами периодики, текущей статистики, наблюдениями самих непосредственных участников колхозного строительства. К примеру, вышедшие в Калмыкии в 1920–1930-е гг. книги и статьи А. М. Амур-Санана, Т. К. Борисова, И. К. Глухова, сборники «Калмыцкая область за 10 лет революции», «10 лет Калмыцкой автономной области», «20 лет автономии Советской Калмыкии», материалы к докладам секретарей обкомов и др. посвящены социально-экономическому, политическому и культурному развитию Калмыкии в определенный период. Их с большой натяжкой можно назвать источниками по изучению нэпа и коллективизации, так как они носили описательный, публицистический и фактологический характер, не раскрывали объективных закономерностей процесса развития калмыцкой деревни, не содержали попыток разобраться в сущности проводимых аграрных преобразований, тем более управленческих решений. Вместе с тем названные выше работы, статьи и прочие материалы заложили основу национальной историографии периода нэпа и коллективизации.

Работы, созданные в отечественной историографии в 1940–1950-е гг., писались в историко-партийном ключе, в основном

рассматривали социально-экономические и социально-политические аспекты колхозного строительства. В некоторых республиках Северного Кавказа и Калмыкии изучение периода коллективизации приостановилось в связи с ликвидацией национальных автономий и возобновилось лишь с реабилитацией репрессированных народов и возвращением им государственно-правового статуса.

В 1960–1970-е гг. в нижеволжской региональной историографии продолжали появляться диссертации, монографии, очерки, статьи о величайшей роли партии в проведении коллективизации, в результате которой «в деревне было создано мощное механизированное коллективное производство» [Медведев 1960; Шафигулина 1970; Очерки истории Калмыцкой АССР 1970]. Все эти работы также характеризовались партийно-классовым подходом к проблемам изучения коллективизации и показом преимущественно достижений в аграрной сфере. Дальнейшее развитие в историографии получили темы реализации политики коллективизации и раскулачивания, освещение мероприятий по организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

К периоду «оттепели» — второй половины 1950–1980-х гг. — при преобладании ортодоксально-догматического подхода к изучению общественных явлений стало складываться умеренно-критическое направление, связанное с именами ученых-аграрников В. Данилова, Н. Ивницкого, И. Зеленина, Е. Осокиной и др. Но следует отметить, что большинство ученых продолжали придерживаться прежних концепций исторического исследования. В калмыцкой историографии Калмыкии в период перестройки вышла монография Ю. Оглаева [Оглаев 1987], в которой подробно исследуются предпосылки кооперативно-колхозного строительства, первые шаги советской кооперации, зарождение коллективных крестьянских хозяйств, развитие социалистических форм хозяйства и кооперации в годы нэпа, производственное кооперирование крестьянства, подготовка массового колхозного движения и непосредственно колхозное строительство в регионе. Касаясь вопроса о трудностях в колхозном строительстве и в сельском хозяйстве в 1930-е гг. в данном национальном регионе, автор считает, что во многом они были обусловлены «жесточенным сопротивлением» «бывших

калмыцких феодалов и скотопромышленников» и «кулачества», которые развернули среди крестьянства «бешеную агитацию не только против колхозов и колхозников, но и против Советской власти», подстрекали крестьян на вооруженное выступление [Оглаев 1987: 94]. В духе устоявшихся идеологических представлений советского времени заявляет о том, что «экспроприация кулачества устранила с дороги социалистического строительства его заклятых врагов, подвела значительную материальную базу и создала благоприятные условия для дальнейшего наступления социализма в деревне» [Оглаев 1987: 113]. По мнению данного автора, коллективизация явилась «объективной необходимостью, как в передовых районах страны, так и в отсталой Калмыкии» [Оглаев 1987: 67].

Подобные взгляды на необходимость и актуальность проведения коллективизации, распространенные в советской историографии, были подвергнуты серьезной критике и пересмотру, на рубеже 1980–1990-х годов. Прежде всего отметим, что на основе изучения ранее неизвестных закрытых архивных документов коллективизация, проведенная в СССР, признавалась рядом исследователей насильственной [Кабытов, Козлов, Литвак 1988; Никольский 1990]. Ученые задались вопросом: можно ли было избежать ее трагических последствий (ликвидация наиболее трудолюбивой, предприимчивой части крестьянства, высылка тысяч семей, продовольственный кризис и, наконец, тяжелейший голод на Украине, Северном Кавказе, Поволжье, Центрально-Черноземной области, Западной Сибири, Урале и Казахстане)? В новейших исследованиях историки настаивают на том, что объективных причин для проведения коллективизации, вызванных потребностями экономического развития страны, не существовало. Сторонники данного подхода опираются на конкретный анализ развития аграрного сектора в период нэпа [Данилов 2011; Надькин 2010].

Действительно, по окончании гражданской войны крестьяне за три–четыре года восстановили сельское хозяйство после сильнейшей разрухи, установили необходимые связи с действовавшими промышленными предприятиями, свободно торговали излишками произведенной ими сельхозпродукции, что в целом говорило об эффективности новой экономической политики. Не-

плохими темпами развивались земледелие, животноводство, кустарные промыслы на селе, занимавшиеся ремесленным производством для рынка и т. д. В 1925 г. произошло «расширение нэпа в деревне»: крестьянам снизили продналог, разрешили арендовать землю, применять наёмный труд. Уже к 1923 г. в основном были восстановлены дореволюционные посевные площади, а к 1927 г. в целом достигнут довоенный уровень и в животноводстве. К примеру, губернии и области Нижнего Поволжья уже в 1926 г. имели всех видов скота больше, чем в 1916 г. Правда, в Калмыкии «численность продуктивного скота по сравнению с 1916 г. составила 87,3 %» [Максимов 2009: 366]. В то же время в 1928 г. в автономной области «зерновыми и техническими культурами было засеяно 73749 га, что составило 102,4 % площади посевов в 1917 г.» [Максимов 2009: 366]. В годы нэпа наметился заметный подъем крестьянского хозяйства — к 1927 г. в СССР насчитывалось 24–25 млн крестьянских хозяйств, имеющих в своем распоряжении в среднем 4–5 га земли, 1 лошадь, 1–2 коровы. На 1 октября 1928 г. 5 % крестьянских хозяйств, несмотря на жесткие административные, налоговые и иные меры к ним со стороны государства, произвели почти 120 млн центнеров зерна, тогда как колхозы вырастили всего лишь около 8 млн центнеров [Бадмаева 2010: 201, 282]. Можно привести и ряд других примеров положительной динамики хозяйственной и экономической жизни регионов СССР в годы нэпа. В Калмыкии, несмотря на сложность экономических и социально-политических условий, на основе новой экономической политики неуклонно происходило укрепление советской власти, рост хозяйства.

Первым сигналом свертывания нэпа в деревне стали принятые в 1927 г. партийно-государственные решения о восстановлении государственной монополии на оптовые хлебозаготовки, о снижении заготовительных цен на зерновые. Как следствие этих антирыночных постановлений возник кризис хлебозаготовок, обусловленный резким нарушением рыночного равновесия, эквивалентного обмена между сельским хозяйством и промышленностью. Однако причину кризиса усмотрели в «происках» зажиточной части деревни. В действительности же это было не так. Кулацкие хозяйства к концу 1927 г. составляли всего около

3,7 % всех крестьянских хозяйств, в то время как количество товарного хлеба в руках кулаков во второй половине 1920-х гг., по подсчетам И. Я. Трифонова, исчисляется в 20–23 % [Трифонов 1975: 246]. Следовательно, при всем желании, кулаки не могли сколько-нибудь существенно повлиять на ход хлебозаготовок. Крестьяне, в основном «средняки», составлявшие в годы нэпа 60–62 % всех крестьянских хозяйств, не желали за бесценок продавать значительную часть произведенного зерна и ими двигали чисто экономические соображения. Все это привело к сокращению плановых хлебозаготовок, результатом которого стали резкое падение продаж зерна, за границу, острая нехватка хлеба в городах. Хлебозаготовительный кризис не был отражением кризиса сельскохозяйственного производства или социального кризиса в деревне. Основной причиной смены экономического курса в аграрной сфере в первую очередь стали возникшие трудности текущей хлебозаготовительной кампании, негативно влиявшие на темпы проведения основной стратегической задачи — индустриализации страны. Для их преодоления по инициативе высшей государственной власти началась «революция сверху» — коллективизация сельского хозяйства.

В 1927–1929 гг. происходит существенное изменение кооперативного законодательства с установлением приоритетных форм организации сельскохозяйственного производства в виде коллективных хозяйств [Чичулин 2007: 44]. В 1928 г. для непосредственного руководства колхозным строительством создается Колхозцентр СССР. В стране формируется система органов государственного управления сельскими коллективными хозяйствами, окончательно сложившаяся к 1931 г., устанавливается их вертикальное подчинение Народному комиссариату земледелия. В структуре органов управления коллективными хозяйствами крестьян по функциональному признаку можно выделить: органы местного самоуправления крестьян (сельсоветы), продовольственные органы (ВСНХ), органы, осуществляющие земельную и аграрную политику (НКЗ), налоговые органы, которые имели различные полномочия в отношении колхозов.

Политика коллективизации в СССР проводилась по двум основным направле-

ниям: раскулачивание и объединение единоличных хозяйств в колхозы. Государство в виде партийных решений и постановлений обеспечивает правовую регламентацию процесса раскулачивания и закрепляет репрессивные меры коллективизации. Данный процесс, проходивший практически по всей стране, в некоторых регионах и в национальных районах имел ряд особенностей. Так, в Калмыкии, экономика которой имела животноводческую направленность, раскулачивали в основном богатых скотоводов, а сам процесс раскулачивания проходил в несколько этапов. За период с 1929 по 1934 гг. в результате массовых репрессий, по мнению известного историка К. Максимова, в Калмыцкой автономной области были раскулачены 2195 крестьянских семей (почти 14 тысяч человек) [Максимов 2004: 44]. Все конфискованные средства производства были направлены на укрепление вновь организуемых и действующих колхозов и совхозов области. Передача этим хозяйствующим субъектам экспропрированного имущества способствовала вступлению индивидуальных крестьянских хозяйств в колхозы и, следовательно, ускорению темпов коллективизации в Калмыкии. Если к осени 1929 г. только 7,6 % крестьянских дворов вошли в колхозы, то к январю 1930 г. уже 26 % калмыцких крестьян были объединены в различные формы коллективных хозяйств. В дальнейшем (к апрелю) данный показатель в скотоводческих и земледельческих улусах за счет жесткого администрирования достиг без малого 70 %. Но зачастую коллективные хозяйства в области создавались только на бумаге для повышения цифровых показателей по коллективизации в представляемых в центральные органы отчетах. Это были так называемые «дутые» колхозы, и об этом свидетельствует тот факт, что после известной статьи Сталина «Головокружение от успехов» и постановления ЦК ВКП (б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» уже к 20 апреля в колхозах скотоводческо-земледельческих улусов области осталось лишь 6 тысяч крестьянских хозяйств. И все же, в конечном итоге, путем усиления налогового давления на частных хозяев, выселения кулаков и отдельной части «середняков», экспроприации их имущества, предоставления различного рода преференций беднейшему крестьянству и даже запугивания, шантажа

несогласных со вступлением в колхозы, в августе 1931 г. общее число коллективизированных крестьянских дворов в Калмыкии достигло 66,8 %, а к концу 1934 — 83%.

Коллективизация, проводившаяся в 1929–1940 гг. административными, административно-репрессивными, репрессивно-экономическими методами управления, несмотря на рост уровня механизации, ухудшила положение дел в экономике Калмыкии, в результате чего сократились поголовье скота и урожайность зерновых и в целом упал среднегодовой объем производства сельхозпродукции. В целом по стране, несмотря на сокращение производства зерна, поголовья скота, посевных площадей, понижение урожайности, государственные заготовки зерна выросли в 2 раза, размеры налогов с колхозов — в 3,5 раза. Данные факты утверждают нас в выводе о том, что колхозы понадобились Сталину для повышения товарности сельского хозяйства, изъятия как можно большего количества продуктов сельхозпроизводства, в особенности зерна, у крестьян и проведения масштабной индустриализации за счет крестьянства в рамках административно-командной системы управления экономикой.

Но можно ли было провести индустриализацию без насильственной коллективизации сельского хозяйства? Нам представляется, что для успешного проведения индустриализации необходимо было не свертывание, а, напротив, продолжение и углубление новой экономической политики. Сельское хозяйство, основной ячейкой которого было индивидуальное крестьянское хозяйство, столь динамично развивавшееся на протяжении 1920-х годов, вполне могло бы дать для нужд индустриализации необходимое сырье и продовольствие без насилия над крестьянами. Реальной альтернативой насильственной коллективизации было углубление рыночных отношений в сельском хозяйстве путем всемерной поддержки мелких сельских товаропроизводителей, предоставления им большей самостоятельности, внедрения элементов товарно-денежных отношений, самокупаемости и т. д. при постепенном, исключительно добровольном, производственном кооперировании собственников. Даже проведение все той же коллективизации, но только без пресловутых «перегибов», могло бы дать неплохие результаты в аграрном секторе страны.

К сожалению, история не знает сслагательного наклонения. Большевистские методы управления привели к трагедии с миллионами человеческих жертв. Развитие аграрного сектора было надолго заторможено, обострился продовольственный кризис.

Таким образом, анализ историографии показывает, что изучение проблем коллективизации сельского хозяйства в Калмыцкой автономной области, по сути, еще только начинается. Еще менее разработанной является конкретная проблема — непродуманные управленческие решения в области сельского хозяйства в Калмыкии в 1920–1930 гг.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (далее НА РК). Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 226.
НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 137. Л. 57.
НА РК. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 104. Л. 82.

Литература:

- Алексеев П., Попов А.* О взаимоотношениях совхозов и колхозов в условиях сплошной коллективизации // Нижнее Поволжье. 1930. № 6. С. 56.
- Альфийш С. Д.* Победа колхозного строя. Саратов: Тип. изд-ва «Коммунист», 1939.
- Анисимов Н. И.* Победа социалистического сельского хозяйства. М.: Сельхозгиз, 1947. 128 с.
- Бадмаева Е. Н.* Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.): Монография. Отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: «НПП «Джангар», 2010. 544 с.
- Беликов Т. И.* Калмыцкая область в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып. 6. Сер. Истор. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. С. 94–130.
- Данилов В. П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2011. 863 с.
- Десять лет Калмыцкой автономной области (1920–1930). Астрахань: Калмиздат, 1930. 135 с.
- Джимбинов Б.* Советская Калмыкия. М.: изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. 28 с.
- Зюрюкин В.* Сельское хозяйство и пути восстановления его в Республике немцев Поволжья // Нижнее Поволжье, 1927, апрель. № 4.
- Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М.: Собрание, 2009. 286 с.
- Ильин Е. И.* Колхозы СССР и их удельный вес в строительстве Советского Союза. М.; Л.: Госсельиздат «Новая деревня», 1929. 164 с.
- К чему приводит политическая близорукость // Известия Нижне-Волжского крайисполкома, 1931. № 8. С. 179.
- Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г.* Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988. 240 с.
- Лантев И.* Советское крестьянство. М.: Сельхозгиз, 1939. 174 с.
- Максимов К. Н.* Калмыкия в годы форсированного строительства социализма // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней в 3-х тт. Элиста: ГУ «Издат дом «Герел», 2009. Т. 2. 840 с.
- Максимов К. Н.* Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е гг. М.: Наука, 2004. 310 с.
- Медведев В. К.* Подготовка и проведение сплошной коллективизации в Нижне-Волжском крае (1928–1932 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1960. 350 л.
- Надькин Т. Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, 2010. 312 с.
- Никольский С. А.* Власть и земля: Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября. М.: Агропромиздат, 1990. 238 с.
- Оглаев Ю. О.* К вопросу о ликвидации бывших калмыцких феодалов // Вестник КНИИЯЛИ. Вып. № 2. Сер. истор. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967. С. 110–146.
- Оглаев Ю. О.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Калмыкии (1917–1937 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 159 с.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 2. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Пюрбеев А. П.* Задачи коллективизации в деревне // Красная степь. 1928, 16 января.
- Трифонов И. Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М.: Политиздат, 1975. 408 с.
- Убрать кулацких агентов // Известия Нижне-Волжского крайисполкома, 1931. ноябрь. № 18. С. 429.
- Шафигулина Ф. Р.* Партия – организатор колхозного строительства в 1917–1925 гг. (на материалах Нижнего Поволжья). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1970. 243 л.

Шуваев К. М. Старая и новая деревня. Материалы исследования с. Ново-Животинного и дер. Моховатки Березовского района Воронежской области за 1901 и 1907, 1926 и 1937. М.: ОГИЗ–СельхозГИЗ, 1937, 346 с.

Чичулин А. В. Советское кооперативное законо-

дательство на пути огосударствления кооперации (1917–1931 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2007. № 3(66). Серия: Гуманитарные науки (История. Исторические науки). С. 4–46.